

«Кавказская пленница» В эпоху очередей

Как-то вдруг мы все поняли, что живем в другой стране. Другие цены, другие настроения, другая отечественная история; откуда-то явились другие люди: политики, дельцы, «ночные бабочки»... «Сюр», перевернутость, мрак. Но жить дальше — надо. Не прозябать, не просто выживать. А находить точку опоры, чтобы удержаться на ногах в перевернутом мире.

Недавно по телевидению показывали несколько кадров из фильма «Кавказская пленница». Задорная девочка танцует твист и поет про медведя и земную ось.

Что было после? Два диплома о высшем образовании: Шукинское училище и литинститут. Восемь лет работы в театре. 50 фильмов. Двое детей, которых воспитала одна.

...Шторы в красно-белую клеточку едва скрывают простудную, неверную, чуть заснеженную Москву. Кассетник на подоконнике воспроизводит Наташин голос. Новые песни. Ее собственные. Будущая пластинка. Автор музыки — Николай Шершеня.

Не умея запомнить стихи, запою сама: она возвращается. «Вы». Это — такое иное! Иная эпоха (старая? грядущая?). Уж больно опростилась сейчас наша жизнь. В отношении между Ним и Ею вошла убийственная откровенность.

В дверь то и дело стучит младший сын Натальи шестилетний Сашенька в вязаной шляпочке Микки Мауса: «Извините, что я вас перебиваю...» Ревнует.

Как это ни странно покажется почитателям бодрой Нины из «Кавказской пленницы» — «студентки, комсомолки, отличницы», реальная Наталья Варлей всегда жила непростом. Когда поступала в детскую музыкальную школу, пела песенку... шепотом. Стеснялась. Как снег на голову, свалилась на Наташиных родителей весть о том, что дочь, страдающая ревмокардитом, вдруг поступила в цирковое училище. Безумно боясь высоты, она стала выступать с номером «Воздушный эквилибр на штейн-трапé с музыкальным инструментом» (что такое под куполом качается, а она на нем стоит и еще на чем-то играет) До сих пор, выходя на сцену, при встрече со зрителями трясется, пока зал не начнет «дышать положительными флюидами».

Даже материнство оказалось испытанием нештучным. Мало того, что профессия таскала ее по всей стране, так пришлось и Васю маленького с собой таскать — у мамы ее случился инфаркт,

у папы инсульт... Два «момента» помогли. Один — умение никогда не жаловаться.

— ...А второе было тогда неординарным: я крестилась. И раньше, во время гастролей, часто заходила в храмы разных конфессий. Не сильна в других религиях, но православие учит любви и добру, и терпению, и тому, что как оно есть, так и должно быть.

Намного легче после крещения не стало, собственные трудности ни на кого, в том числе и на Бога, Наташа не перекладывала. Но как храм всегда тянется к небу, так и вера тянет человека вверх.

— Человеку всегда есть кого и что любить. Детей, родителей. Работу. Если дома или на работе конфликт, если с любимым человеком ссора произошла — да посмотри вокруг! Вот инвалид без ног в коляске едет. Кому хуже?

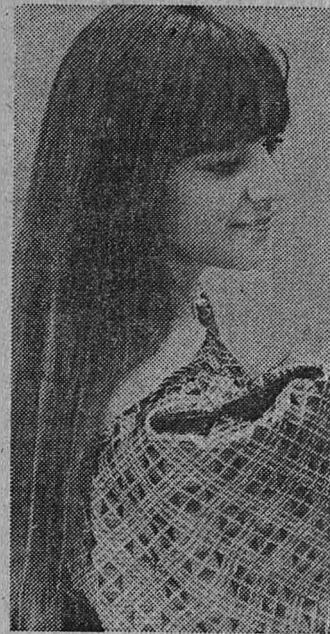
Ей помогали жить другие люди, к жизни которых она присматривалась, возможно, пристальней, чем к своей. Елизавета Зиновьевна Пешкова среди них. Дочь внебрачного сына Горького, крупного французского военачальника, она навсегда сохранила в себе удивительную крепость духа, любовь к людям и молодость. Муж, дипломат, был репрессирован, и ее с младшим сыном тоже погнали по этапу. Потерялся старший сын, потом нашлся, а впоследствии погиб, оставив ей внука.

— Вот истинно трудно, истинно больно, что с ней происходило. И каждый должен найти в себе точку опоры. Осознать это, искать и найти.

Уже в достаточно зрелом возрасте она поступила в литературный институт. Не столько для того, чтобы научиться писать стихи, а «для концентрации душевной энергии». Когда училась на втором курсе, родила Сашу.

— Дитя мое выжило только благодаря прекрасному врачу-микрopedиатру Алексею Владимировичу Грачеву, и тот также стал для нашей семьи близким человеком. Сейчас такого врача уже нет, а есть отец Алексей, приходской священник, крестный отец обоих моих сыновей и мой духовник. Так уж вышло, что лечить души показалось ему важнее.

— Но я другого в этой связи боюсь, — ответила я Наташе. — Форсированное вторжение такой, знаете, внешней ре-

лигиозности в нашу совсем еще недавно атеистическую действительность может привести к ужасному обратному эффекту — когда будут соблюдать обряды, делать при этом умный вид, а в душе насмехаться над верой.

— Это так, да. Я смотрю телепередачи, читаю газеты, наблюдаю и вижу, что произошла страшная вещь: сместилась нравственная точка опоры.

Я еще не могу назвать себя истинно верующей, я все еще на полпути, но все-таки вижу, как много людей живет вовсе не по христианским законам.

Конечно, наша сегодняшняя жизнь подарком не кажется, я хорошо это знаю по очередям в магазинах, толчее, давке в троллейбусе. В результате этих ощущений позволяешь себе разгневаться на ребенка, шлепнуть его, а то и в этой самой очереди ввязаться в «беседу». Сегодня в толпе мгновенно вспыхивает ссора! А ведь все очень просто — в момент конфликта надо бы только вспомнить заповедь: не судите и не судимы будете! Мы не знаем, что в душе и «шкуре» нашего обидчика, что он пережил, что случилось с ним вчера. И если бы каждый мог остановить себя знакомым с детства постулатом, ничего из головы не выдумывая (хотя бы про себя: «Господи, прости их, ибо не ведают, что творят») — насколько бы легче стала повседневная жизнь...

— Вообще, Наташа, сейчас многие растеряны. Это ведь, как переход в другую веру. Как сохранить достоинство? Что теперь считать жизненными ценностями?

— Думаю, что с утратой прежних ценностей должны вернуться критерии истинно нравственные. И кто вернет их себе, для тех сама жизнь со всеми ее бедами и трудностями станет радостью и светом.

Я как-то у Марины Цветаевой прочла цитируемое ею стихотворение одной монахини, суть его в том, что человечество богато лишь порукой добра круговой.

Я пыталась работать в различных женских, благотворительных организациях с верой в то, что они создаются, чтобы оказывать реальную помощь конкретным людям. Но многие из них — просто фикция.

— А ваша актерская профессия не дает вам каких-либо интересных возможностей?

— Я имею мужество отказываться от плохих ролей, ждать, что вот будет Фильм и Роль, и только ездить в провинцию на встречи со зрителями...

Временами появляется мысль о своем театре песни. Другой песни. Что бы было много души, как всегда было в песне народной. Как противостояние против той субкультуры, что захватила все жизненное пространство. Молодые ребята думают, что это и есть эталон...

А на Западе, между тем, классика собирает огромные аудитории.

— Не кажется ли вам, что Россия спасется благодаря огромной, часто очень милой, доброй, скромной, достойной провинции — вопреки столицам?

— Вряд ли. Еще несколько лет назад была большая разница между этими географическими понятиями, но сейчас телевидение на все льдины проникло, а вместе с ним проникла масскультура.

Я в другое верю. Спасут страну люди, которые работают на земле. Не в том смысле, что накормят, продовольствием обеспечат, хотя и это куда как важно. А в том, что труд на земле не разрушает нравственную основу жизни, но хранит ее.

Не зря людей потянуло одновременно и к вере, и к земле.

Т. КОРСАКОВА.